

Пришедший не источает ауру демонических зверей, — подал голос Цзин Жун, предупреждая спутников, а стоявший рядом Мо Линъюнь крепко сжал рукав Цзин Жуна и не произнес ни звука.

Смертельно испуганный Дуань Чанкун уже не обращал на это внимания — он вцепился в лодочный весло как в меч, приняв такую позу полной готовности к бою, что казалось, будто он сейчас подпрыгнет и бросится насмерть сражаться с непрошеным гостем.

Человек на лодке разжал руку, на его пальцах вспыхнул яркий свет, озарив и то, что он держал в ладони. В тот же миг Мо Линъюнь разглядел: в руке незнакомец сжимал флейту, которая под воздействием духовной энергии стремительно увеличивалась в размерах. Нацелена она была прямо на их маленькую лодку.

Он не замышляет зла, — ровным тоном произнес Цзин Жун.

В следующее мгновение лодка перевернулась.

Безбрежная волна с головой накрыла всех троих. Пронзительный визг демонической твари едва не проткнул Мо Линъюню барабанные перепонки; в момент, когда судно переворачивалось, он на уровне рефлексов крепко ухватил Цзин Жуна за запястье и прижал к себе, укрывая в объятиях — независимо от того, кто из них сильнее.

Небеса всё ещё заволакивали темные тучи, и разглядеть обстановку было невозможно, однако тот, кто только что применил силу, определенно оказался не демоном — этот пронзительный визг донесся явно у них из-за спины.

Потоки воздуха то взмывали их в небеса, то швыряли обратно. Мо Линъюнь зажмурил глаза и изо всех сил обхватил прижатого к нему Цзин Жуна, несколько секунд не решаясь даже приоткрыть веки.

Вопль Дуань Чанкуна: «Какого черта?!» — заставил его запоздало сообразить: он вроде бы не упал в воду? И Учитель целым и невредимым сидит у него на груди?

Мо Линъюнь открыл глаза и увидел, что Цзин Жун одной рукой обвивает его за шею, соломенная шляпа давно неизвестно куда слетела, а на привычно бесстрастном лице застыло сложное выражение. Мо Линъюнь опустил взгляд на то, на чем они стояли — похоже, это был гигантский парящий меч. Он торопливо опустил Цзин Жуна на землю и, суетливо копаясь в вещах, натянул на голову Учителя запасную шляпу.

Дуань Чанкун, всё еще принимавший водные процедуры прямо в одежде, судорожно обхватил руками деревянное весло и откашлялся, с непередаваемым отчаянием глядя на сияющий меч посреди столь живописной картины. Этот меч прилетел так вовремя, почему же он не поймал его самого?

Человек с флейтой парил в воздухе, обуздав ветер. Стоило ему лишь столкнуться взглядами с получившей отпор демонической тварью, как та, словно осознав собственное бессилие, издала дикий вопль и стремительно метнулась обратно под воду.

Мо Линъюнь поднял голову, чтобы разглядеть того, кто спас им жизни. На незнакомце были черные одежды и распущенные черные волосы; половину лица скрывала маска, однако она не могла спрятать глубокие, холодные глаза и тонкие губы. Фигура его казалась несколько исхудавшей, а рассыпанные по плечам пряди не затронула ни буря, ни дождь. Даже при беглом взгляде его манеры выдавали выдающегося человека.

Благодарю за помощь, сотоварищ, — Мо Линъюнь сложил перед ним руки в приветственном жесте и невольно снова покосился на распущенную шевелюру незнакомца. Ему доводилось изучать самые разные прически и украшения для волос среди заклинателей, но сейчас, пока небо еще не до конца очистилось от туч, этот человек казался ему просто-напросто простоволосым.

Цзин Жун носил волосы, собранные нефритовым венцом, что подчеркивало его благородное величие; Нин Цин собирал их зеленой заколкой, являя собой утонченность ученого; на худой конец, существовал аккуратный стиль даосов. Этот же незнакомец перевязал волосы лишь узкой темной шелковой лентой, которая при беглом взгляде почти сливалась с его распущенными прядями.

Когда водная гладь вновь успокоилась, а тучи на небосводе рассеялись, Мо Линъюнь наконец разглядел, что лента на самом деле была темно-зеленой — просто при тусклом освещении он совершил ошибку.

Незнакомец не испытывал ни малейшего желания вести пустые разговоры. Он без труда перевернул лодку Мо Линъюня и его спутников, убрал флейту-меч и холодно бросил:

Я разберусь с водяным демоном, а вы убирайтесь отсюда поскорее.

Дуань Чанкун, которого только что выловили из воды, утер лицо, и голос его задрожал:

Ян... Ян Хуай...

Стоявший на лодке Ян Хуай проигнорировал его. Лодочка двинулась сама собой, без помощи ветра, направляясь в противоположную от них сторону.

Дуань Чанкун не желал сдаваться и крикнул вслед удалявшемуся Янь Хуаю:

Какого черта тебя сюда занесло?!

В Долину Царя Лекарств путь держу, — на этот раз последовал ответ, хотя лодка даже не

замедлила ход.

Чего ты опять удумал?! — Дуань Чанкун всполошился еще сильнее. Бессильно наблюдая, как суденышко исчезает из виду, он со стоном рухнул грудью на борт лодки, даже не собираясь сушить промокшую одежду.

Мо Линъюнь, только что отжавший одежду, похлопал Дуань Чанкуна по плечу:

Младший сотоварищ Дуань, ты в порядке?

Плохо, тошнит, — Дуань Чанкун был близок к слезам.

Э-э, наглотался воды?

Мо Линъюнь на мгновение растерялся, не зная, как реагировать. В конце концов, Янь Хуай только что спас им жизни, и поливать спасителя грязью за спиной было некрасиво.

Да Ян... Тьфу! — Дуань Чанкуна действительно вывернуло наизнанку. Извергнув воду, попавшую в горле при утоплении, он вытер рот шелковым платком и применил Технику Очищения от Пыли, вмиг преобразование и засияв свежестью.

Ему было немного обидно, и отчаянно хотелось излить кому-нибудь душу — например, Мо Линъюню, который находился ближе всех.

Мо-шисюн, ты даже не представляешь, до чего же этот гадкий человек...

М-м... — максимально равнодушно отозвался Мо Линъюнь.

Подумать только, я ведь, Дуань Чанкун, вовсе не какой-то там поверхностный человек.

Вовсе нет, при чем тут вообще поверхностность? — опешил Мо Линъюнь.

Да почему он такой писанный красавец?! — скорчив гримасу, Дуань Чанкун погрузился в пучину собственных терзаний.

Э-э... М-м?!

Мог бы приличной ради маску не снимать, я бы еще сто лет его поносил!

Но он же ее и не снимал?

Плевать! Зачем обладать такой внешностью, это же перебор! — Дуань Чанкун шмыгнул носом. Он просто не находил слов, чтобы описать свои чувства: он искренне, всей душой ненавидел этого Янь Хуая, и каждый раз, когда до него доходили слухи об этом человеке, его словно молнией поражало.

Но Янь Хуай... черт побери, до чего же он хорош собой! Это из разряда тех ситуаций, когда ты кипишь от гнева, готовишься выдать тираду из восемнадцати проклятий, но стоит тебе увидеть это лицо — и вся злость мгновенно испаряется.

Подумать только, он, Дуань Чанкун, гордость и первый ученик Академии Чанчуань, выдающийся молодой талант, который всегда считал себя глубоко духовным человеком, тоже умудрился споткнуться о Янь Хуая.

Младший сотоварищ Дуань, боюсь, у тебя тут случай от ненависти до любви... — Мо Линъюнь, обычно такой жизнерадостный парень, после тирады Дуань Чанкуна сделался совершенно беспристрастным.

Нет, я люблю только свою младшую сестрицу, — мгновенно уловивший смысл слов Мо Линъюня Дуань Чанкун ответил с железобетонной твердостью. К Янь Хуая у него не было никаких иных чувств, кроме отвращения, но этот человек своей внешностью просто... просто нарушал все правила!

Оправившись от подступившей к горлу тошноты при упоминании Янь Хуая, Дуань Чанкун окинул взглядом их путь и призадумался: раз Янь Хуай сначала расправится с демоном и только потом отправится в Долину Царя Лекарств, значит, ему самому нужно поторопиться туда же, чтобы предупредить старших и велеть им готовиться заранее.

В конце концов, ничего хорошего визит Янь Хуая в Долину Царя Лекарств не сулил.

Долина Царя Лекарств была излюбленным местом сбора праведных лекарей, а Янь Хуай — именно тем мрачным лекарем, убившим своего учителя ради постижения Дао, которого праведные целители терпеть не могли и чье присутствие считали недопустимым.

Пока возле Мо Линъюня погруженный в молчание Цзин Жун предавался раздумьям, его истинное тело в Секте Сюаньтянь распахнуло глаза. Светло-золотая духовная энергия с кончиков его пальцев обратилась в духовную бабочку, которая, сделав круг вокруг каменной стены, упорхнула наружу.

Властность Янь Хуая превзошла ожидания Цзин Жуна, однако для Владыки Обители Иного Мира обладание подобной силой казалось вполне закономерным.

Приостановив медитацию на этот раз, Цзин Жун руководствовался не только силой, продемонстрированной Янь Хуаем: он разглядел те глаза — глубокие зрачки, подобные замерзшей воде темного озера. Лишь присмотревшись пристальнее, можно было заметить таящийся на дне омута зеленоватый отблеск, не имеющий ничего общего с человеческой природой.

Важнейшие тренировочные земли Секты Сюаньтянь издавна отличались суровой безмятежностью. Ведомый созданной из духовной энергии бабочкой Цзин Жуна, Нин Цин потратил всего мгновение, чтобы отыскать каменную комнату старшего сотоварища.

Старший сотоварищ, — Нин Цин сложил руки в приветствии.

Твой недавний приступ случился из-за него? — Цзин Жун не стал церемониться. Стоило ему взмахнуть раскрытой ладонью, как на каменной стене проступило изображение Янь Хуая. Полумаска скрывала верхнюю часть его лица, но не могла заглушить его холодность — отчужденность и бесстрашие, которые не способны были стереть даже застывшие черты, казались еще более зловещими на фоне темных одежд.

Нин Цин дернул бровью. Он никогда не лгал Цзин Жуну, но теперь, перед лицом столь прямого вопроса, он растерялся и не знал, что ответить.

Десять лет назад Союз Десяти Тысяч Путей объявил о полном истреблении Расы Демонов, — Цзин Жун опустил руку, и образ тут же растворился.

Старший сотоварищ...! — Нин Цин лишился дар речи. С невыразимым мучением глядя на Цзин Жуна, он выдал из себя оправдание, звучавшее до обидного жалко: Он не...

Ты понимаешь, что творишь?

Я знаю, что делаю, — Нин Цин опустил взгляд, и голос его тоже упал до шепота. — Старший сотоварищ, за всю жизнь я ни о чем тебя не просил. Можешь ли ты... забыть об этом...

Сколько помнил Цзин Жун, этот младший сотоварищ внешне казался мягким и податливым, но в душе обладал железобетонным упорством и редко когда уступал или молил о пощаде. Если пересчитать те редкие разы, когда он все же сдавался, то каждый из них оказывался связан с тем человеком.

Его тело, с детства страдающее от сердечного недуга, обросло и целым букетом других хронических болячек.

Ты... И ладно, — Цзин Жун отвел взгляд, больше не глядя на понурившегося Нин Цина, и, не удержав вспышки редкого гнева, бросил: — Убирайся.

Мне горько видеть твоё падение, и я сержусь на твою покорность судьбе.

Благодарю старшего сотоварища, — Нин Цин совершил еще один поклон, на этот раз гораздо более глубокий.

Цзин Жун даже не глянул на него. Дождавшись, когда тот окончательно покинет пределы тренировочной обители, он едва слышно вздохнул. Восходящий к вершинам Формирования Ядра заклинатель, не достигший и двадцати лет — какая невероятная, несравненная одаренность! И надо же было ему так изувечить себя из-за какого-то чувства.

Ради чего?

Цзин Жун подумал, что, пожалуй, никогда в жизни не сможет этого понять. С самого момента вступления в секту он практиковал Путь Бесчувственности и никогда не нуждался в познании так называемых людских горестей и радостей, семи страстей и шести желаний.

Когда к Цзин Жуну вновь вернулось осознание реальности, он уже всю очищал вместе с Мо Линъюнем побеги бамбука. Движения Цзин Жуна на мгновение замерли, а Мо Линъюнь, ничто сумняшеся, продолжал свой бесконечный треп:

А уж свежие бамбуковые побеги после ранневесеннего дождя — самые нежные! Хочешь в суп брось, хочешь обжарь ломтиками — везде объедение.

С этими словами он полоснул защитным мечом вдоль побега от самого основания до верхушки, затем повторил движение по диагонали и с невероятной ловкостью содрал жесткую кожуру, опуская свежий побег в воду.

В отличие от него, Цзин Жун чистил бамбук чинно и аккуратно, слой за слоем. Пока Мо Линъюнь уже успел ободрать целый побег, Цзин Жун только-только отломил пару чешуек — в каждом его жесте по-прежнему сквозила отрешенная невозмутимость.

Мо Линъюнь поспешно перехватил у него из рук побег, парой ловких движений надрезав его так, чтобы Учителю было удобнее снимать шкурку.

Мм? А где тот младший сотоварищ? — запоздало поинтересовался Цзин Жун.

Ушел совсем недавно, велел ждать его за пределами гор, — Мо Линъюнь с энтузиазмом кромсал бамбук. Отправляясь выкапывать побеги, он заметил в лесу следы диких кабанов и заодно смастерил небольшую ловушку — если повезет, к обеду удастся приготовить жареный бамбук с мясом.

А если еще отыскать диких травок для супа — вообще идеальный план.

Эти молодые побеги невероятно ароматны, жаль только, Учитель, вы такое не едите, — усердно разгоняя воду вокруг нежных побегов, пробормотал Мо Линъюнь.

Цзин Жун не горел желанием поддерживать разговор: у этого его разделенного аватара имелось слишком много запретов, и еда была в их числе.

Куда большую хлопотность доставляло то, что вид бамбука напомнил Цзин Жуну о бамбуковой роще позади Зала Чуньлань у Нин Цина. Из года в год эта роща зеленела, гордо возвышаясь среди тысяч вершин и не страшась ни инея, ни снега, гнущих ветви. И надо же было случиться так, что в один прекрасный день ее корни принялись усердно рыть бамбуковые крысы.

Бамбуковые побеги стоит сперва вымочить в воде, так вкус будет намного лучше. — Мо Линъюнь пошевелил рукой нежные побеги в воде и предложил: — Учитель, давайте сходим проверим мою ловушку, глядишь, и разживемся чем-нибудь.

Хорошо.

<http://bllate.org/book/20174/2009558>